

О. АНАНЬИН,
кандидат экономических наук,
завкафедрой экономической
методологии и истории ГУ–ВШЭ,
руководитель Центра ИЭ РАН

ЭКОНОМИКА: НАУКА И/ИЛИ ИСКУССТВО*

Под методологией экономической науки, как правило, подразумевается методология экономико-теоретического познания. В то же время значительную, возможно преобладающую часть своих усилий экономисты прилагают к исследованиям и разработкам, которые едва ли можно отнести к разряду теоретических. До недавнего времени этот обширный корпус знания крайне редко попадал в поле зрения методологов. В последние годы ситуация стала меняться. Стык экономической теории и практики все больше осознается как проблемное звено в системе экономического знания. Соответственно экономисты-методологи начинают более внимательно присматриваться к формам знания, заполняющим «эпистемологическое пространство» между «чистой» теорией и собственно практикой экономических решений и действий, логику которых эта теория призвана выявлять, а в какой-то мере, вероятно, и направлять¹.

* Данная статья представляет собой сокращенную версию доклада на семинаре ИЭ РАН «Теоретическая экономика».

¹ См., напр.: The Art of Monetary Policy / Colander D. e.a. (eds.) Armonk: Sharpe, 1994; Institutional Design / Weimer D. L. (ed.) Boston: Kluwer Academic Press, 1995; Economic Science and Practice. The Role of Academic Economists and Policy-Makers / Bergeijk P. e.a. (eds.) Cheltenham: Edward Elgar, 1997; Basu K. On Misunderstanding Government: An Analysis of the Art of Policy Advice // Economics and Politics. 1997. Vol. 9, No 3. P. 231–250; Toward a History of Applied Economics: Annual Supplement to vol. 32 of the “History of Political Economy” / Backhouse R., Biddle J. (eds.) Durham: Duke University Press, 2000; Empirical Models and Policy-making: Interaction and Institutions / Den Butter F. G., Morgan M. S. (eds.). London etc.: Routledge, 2000; Colander D. The Lost Art of Economics: Essays on Economics and the Economics Profession. Cheltenham: Edward Elgar, 2001; Roth A. The Economist as Engineer: Game Theory, Experimentation, and Computation as Tools for Design Economics // Econometrica. 2002. Vol. 70, No 4. P. 1341–1378; Goodwin C. D. W. Economics and Economists in the Policy Process // A Companion to the History of Economic Thought / Samuels W. e.a. (eds.) Oxford: Basil Blackwell. 2003. P. 606–621; The Evolutionary Analysis of Economic Policy / Pelikan P., Wegner G. (eds.) Cheltenham: Edward Elgar, 2003; Economic Policy under Uncertainty. The Role of Truth and Accountability in Policy Advice / Mooslechner P. e.a. (eds.) Cheltenham: Edward Elgar, 2004; Angner E. Economists as Experts: Overconfidence in Theory and Practice // Journal of Economic Methodology. 2006. Vol. 13, No 1. P. 1–24; Kim W., Jegadeesh N. Do Analysts Herd? An Analysis of Recommendations and Market Reactions // Working Paper 12866 / NBER. 2007 (<http://www.nber.org/papers/w12866>).

Это, казалось бы, простое расширение объекта изучения на самом деле радикально меняет всю его картину. Прежде всего отпадает ставшее привычным отождествление науки с теорией. Отношение науки к объекту познания дополняется ее отношением к области применения. Следовательно, под вопрос ставится «натуралистическое», по выражению Г. П. Щедровицкого, отношение к объекту исследования — вера в его данность исследователю, независимо от целей и ценностных установок последнего².

Выражения «практическое применение экономической теории», «прикладное экономическое знание» или просто «прикладная экономика» могут иметь разный смысл, в зависимости от того, что подразумевается под экономической *теорией*. С развитием экономической науки характер теоретического знания и его взаимоотношения с практикой заметно менялись. Проанализируем эти изменения подробнее.

Экономика как наука и как искусство

На первых этапах развития экономической науки понятие теории ассоциировалось с постижением сущности явлений, то есть способностью науки преодолевать внешнее многообразие и изменчивость эмпирического мира и «видеть» его неизменную природу и законосообразность. Все, что не сводилось к теории, воспринималось как результат действия более или менее случайных факторов. Такие явления не считались достойным предметом науки. Так, в период научного лидерства классической политэкономии вне теоретического ядра науки оставалось все, что отклоняло экономику от траектории равномерного и сбалансированного роста³. Такое представление о науке было типичным выражением *классического типа научной рациональности*⁴, который внушал веру в способность универсальных научных методов постигать простые истины, лежащие в основе мироздания. Знание таких истин давало практике в лучшем случае общие ориентиры. Итак, в период господства классической политэкономии теоретики стремились открывать экономические законы, практики учились их «использовать».

Концептуальным воплощением вышеуказанной установки стало разделение политической экономии на «науку» и «искусство». Намеченное еще И. Бентамом и Н. Сениором, это разграничение было развито Д. С. Миллем в его известном методологическом очерке — первой в истории экономической науки целенаправленной попытке определить ее предмет и метод. Наряду с наукой как

² См.: Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодельного подходов (1991) // Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 148.

³ Теория, например, признавала «закон рынков сбыта» Ж.-Б. Сэя, несмотря на то, что он был несовместим с эмпирически наблюдавшимися общими кризисами перепроизводства. Подобные кризисы считались случайными отклонениями от нормы и соответственно предметом заботы скорее специалистов-практиков, чем теоретиков.

⁴ Стетин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

«собранием истин» Милль выделил искусство как «набор правил поведения, руководство к действию»⁵.

Исторически экономика как *искусство* предшествовала экономике как *науке*. Еще во времена А. Смита политическая экономия понималась именно как искусство, что зафиксировано и в его собственном определении из «Введения» к IV книге «Богатства народов»: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования или, точнее, обеспечить ему возможность добывать себе такой доход или средства существования; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя»⁶.

В эпоху Милля теоретизация экономики как отрасли знания прошла только свой первый этап. Под политико-экономической *наукой* Милль подразумевал рикардианскую теорию. Он квалифицировал ее как «абстрактную», ее единственно возможным методом называл «абстрактную спекуляцию», а наилучшим результатом — «абстрактную истину». Абстрактность политической экономии как науки проистекала из того, что в сферу своего анализа она вовлекала только *главные причины* хозяйственного поведения людей, абстрагируясь от прочих, *дестабилизирующих* (*disturbing*, в терминах Милля) *причин*. Он понимал, что для решения практических проблем полученных таким путем истин недостаточно. Отсюда и потребность в искусстве политической экономии: «Когда нужно применить принципы политической экономии в определенном случае, необходимо принимать во внимание все единичные обстоятельства этого случая»⁷. В «Системе логики» Милль предложил целый механизм взаимодействия науки и искусства.

«Искусство ставит цель, которой нужно достичь, определяет эту цель и передает ее науке. Наука ее принимает, рассматривает ее как явление или факт, подлежащий изучению, а затем, разобрав причины и условия этого явления, отправляет его обратно искусству с теоремою относительно того сочетания обстоятельств и — в зависимости от того, находятся ли какие-либо из них в человеческой власти или нет, — объявляет цель достижимой или недостижимой. Таким образом, искусство дает одну первоначальную, большую посылку, утверждающую, что достижение данной цели желательно. Наука предлагает искусству положение (полученное при помощи ряда индукций и дедукций), что совершение известных действий поведет к достижению поставленной цели. Из этих посылок искусство заключает, что совершение таких действий желательно; а раз оно находит их и возможными, оно превращает теорему в правило или предписание»⁸.

⁵ «Языком науки, — пояснял Милль, — являются утверждения типа „Это есть...“, „Этого нет...“, „Это происходит...“, „Это не происходит...“. Язык искусства состоит из утверждений „Делай это...“, „Избегай этого...“. Наука наблюдает явление и стремится открыть его закон; искусство ставит перед собой *цель* и ищет *средства*, как ее осуществить... Сама по себе политическая экономия не дает инструкций, как сделать нацию богатой; но чтобы квалифицированно судить о путях, ведущих нацию к богатству, нужно прежде всего быть политико-экономом» (*Mill J. S. On the Definition of Political Economy; and on the Method of Investigation Proper to It // Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. L.: John W. Parker, 1844. P. 124.*

⁶ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 419.

⁷ *Милль Д. С.* Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей // Милль Д. С. Основы политической экономии... М.: ЭКСМО, 2007. С. 990, 1011.

⁸ *Милль Д. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. 2-е изд. / Пер. с англ. В. Н. Ивановского. М.: Издание Г. А. Лемана, 1914. С. 861.

Разграничение науки (фактически — абстрактной теории) и искусства политической экономии было важным ходом в полемике вокруг тогдашней ортодоксальной политико-экономической теории. Одна из главных претензий в адрес теории Рикардо состояла в том, что достаточно абстрактные положения этой теории служили основанием весьма конкретных, претендующих на универсальность экономико-политических выводов. В 1830-е годы эта проблема обсуждалась в рамках классической школы (Р. Джонс, Т. Мальтус), а в середине XIX в. — стимулировала формирование исторической школы, бросившей вызов классической политэкономии в целом как эталону экономической науки. Отделяя науку от ее практического применения, Милль и позже Кэрнс явно пытались отвести критику от теоретического ядра рикардизма, пусть и ценой ослабления позиций в дискуссиях по вопросам экономической политики.

Однако такого оборонительного маневра оказалось недостаточно, и последняя четверть XIX в. стала периодом первого крупного кризиса в истории экономической науки. Его явственным выражением был знаменитый «спор о методе». Вопреки распространенному мнению, в центре этого спора находился именно вопрос о взаимоотношении теории и практики, а вовсе не банальная полемика об индукции и дедукции.

Часть критиков классической школы исходила из того, что политическая экономия — это наука, призванная определять путь социально-экономического развития страны, и потому она должна генерировать знание, соединяющее в себе объективное и нормативное начала. Так, К. Книс писал о политэкономии как о «теории, которая делает предмет своего исследования... жизнь народов, где всякая частица будущего тесно спаяна со всем прошлым» и потому «не может ограничиться простым фотографическим воспроизведением того, что было, и того, что есть. Исследуя жизнь в ее движении, подобная теория, наряду с вопросом „откуда“, должна также поставить вопрос „куда...“»⁹.

Большинство участников «спора о методах» приняли идею Милля о неоднородности экономических знаний, в частности о наличии среди них как научных знаний о сущем, так и практических знаний-рецептов. Поэтому основные разногласия сконцентрировались вокруг вопросов о характере и соотношении разных видов знания, их значении для практики.

Лидер немецкой исторической школы Г. Шмоллер выделял два пути экономического познания: синтетический и аналитический, отмечая сильные и слабые стороны каждого и настаивая на их сочетании. По критерию объективности и надежности знания Шмоллер признавал приоритет аналитического пути: «Разлагая явления на мелкие и мельчайшие составные части, он (человеческий разум. — О. А.) наблюдает последние, описывает, называет, классифицирует, приходит с помощью индукции и дедукции к объяснению причин, из которых проистекает каждое явление. Результаты этого методического, эмпирического изучения отдельных явлений получаются одинаковыми для каждого исследователя, раз он употребляет правильные приемы изучения; здесь не существует уже никаких сомнений и колебаний»¹⁰. Более

⁹ Книс К. Политическая экономия с исторической точки зрения (1883) // Предмет и метод / Сост. С. И. Солнцев. Л.: Путь к знанию, 1924. С. 83.

¹⁰ Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда (1893). М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1902. С. 113.

того, он признавал, что «телеологический и синтетический путь познания и истолкования... разных людей и в разное время приводил к различным результатам»¹¹. И тем не менее аналитическому пути, которому прежде следовал Рикардо и который позже избрал К. Менгер, Шмоллер отводил вспомогательную роль, отмечая, что его результаты — «не последние истины», поскольку «основываются на фикции постоянства данного культурного состояния». Приоритетным для Шмоллера был именно *синтетический* путь, ведущий к познанию эмпирических законов, которые характеризуют изменения хозяйственных форм, и так называемых «законов развития», которые вскрывают «причины, обуславливающие... порядок смены явлений». Общий вывод Шмоллера близок позиции Книса: «Изучение народного хозяйства... делается наукой в собственном смысле слова, отделяясь в качестве самостоятельной части от этики» — и на основе познания отдельных явлений «стремится давать предварительные образы целого, выставлять идеалы и практические учения»¹².

Более радикальную позицию занимал один из лидеров британской исторической школы У. Каннингэм. Как и Шмоллер, он противопоставлял два пути исследования: от событий к их причинам («выделять экономические явления и вести поиск условий, которые вызвали их к жизни») и от причин к следствиям («выделить экономические причины и попытаться вывести из них необходимые следствия») ¹³.

Первый путь он ассоциировал с деятельностью *экономиста-историка*, задача которого — собирать, изучать и осмысливать события в их целостности. Предметом таких исследований служат единичные явления, поэтому метод индукции к ним не применим, а их познание не ведет к установлению законов, основанных на причинно-следственных связях. Второй путь, присущий *экономисту-теоретику*, вообще не дает, согласно Каннингэму, знания о действительности, предоставляя лишь средства для ее познания. Свое воплощение он находит в «чистой экономике» (*pure economics*) — аналоге чистой логики или геометрии: «В то время как [чистая логика] исследует процесс мышления и классифицирует его различные формы, [чистая экономика] исследует процесс обмена и анализирует его различные формы». Прогресс чистой теории способен облегчить работу собственно экономиста-исследователя, но не пригоден для выявления причинно-следственных связей в экономических явлениях¹⁴. Наконец, переход от знания фактов к практическому знанию Каннингэм связывал с введением в анализ этического начала, в частности представления об идеале: «Мы можем исследовать пути осуществления идеала и тем самым быть практическими»¹⁵.

Таким образом, историческая школа отводила абстрактному теоретическому анализу не более чем служебную роль по отношению к эмпирическому изучению исторического опыта экономической деятельности как основной задаче ученого-экономиста. При этом эмпирическое изучение экономики могло трактоваться весьма широко, с выходом на тенденции развития и даже стратегии социально-экономических реформ (Книс, Шмоллер); или достаточно узко — как изучение исключительно фактов прошлого и настоящего (Каннингэм). В первом случае практические функции возлагались на экономическую науку непосредственно, во втором случае предполагалось, что наука обеспечивает познание *сущего*, оставляя практикам использовать полученное объективное знание для осуществления *должного* — этически санкционированных целей и идеалов.

¹¹ Шмоллер Г. Указ. соч.

¹² Там же. С. 110–111, 114.

¹³ *Cunningham W. A Plea for Pure Theory // The Economic Review. 1892. Vol. 2. Reprinted in: The Methodology of Economics: Nineteenth-Century British Contributions. Vol. VII: Marshall and Cunningham / Backhouse R. (ed.) L.: Routledge and Thoemmes Press, 1997. P. 33.*

¹⁴ *Ibid.* P. 30–31, 34.

¹⁵ *Ibid.* P. 39.

Оппоненты исторической школы в «споре о методе» отвергали подобное принижение роли теоретических абстракций в познании экономических явлений. Лидер австрийской школы К. Менгер так определял «отношение теоретических наук к практическим и обеих их к практике народного хозяйства»: «...теоретическое учение о народном хозяйстве имеет целью представить нам общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь (законы) народно-хозяйственных явлений, тогда как народно-хозяйственная политика и финансовая наука имеют задачей дать нам максимы, сообразно которым при данных обстоятельствах можно наилучше споспешествовать народному хозяйству и наиболее целесообразно устроить финансовое хозяйство. Практика же народного хозяйства состоит в применении публичною властью практических наук о народном хозяйстве соответственно особнным условиям отдельных стран и народов»¹⁶.

Прикладная экономика в классификации Д. Н. Кейнса

Наиболее известной и авторитетной попыткой обобщить результаты «спора о методе» оказалась монография Д. Н. Кейнса «Предмет и метод политической экономии» (1891, рус. пер.: 1899). Хотя Кейнсу-старшему не удалось ни примирить основных оппонентов, ни дать однозначного решения поставленных в ходе «спора» коренных методологических проблем экономической науки, его книга имела успех, став своего рода эталоном изложения темы предмета и метода экономической науки для нескольких поколений экономистов. Это была нормативная, но весьма либеральная методология. Она разъясняла, какие методы исследования следует считать правильными, и в то же время отдавала должное всем известным тогда методологическим установкам, находя каждой достойное место в общей структуре экономической науки. Либерально-примирительный тон автора¹⁷ был, судя по всему, с готовностью воспринят большей частью научного сообщества, уставшего от затянувшейся дискуссии.

В содержательном отношении достижением Кейнса стала новая классификация форм экономического знания (см. рис. 1), которая в единой, достаточно стройной схеме объединила идеи, родившиеся в противоположных лагерях участников «спора о методе».

Отправной точкой для Кейнса служил подход Милля, то есть деление политической экономии на *науку* и *искусство*. Ключевой новацией стало внутреннее деление *науки* политической экономии на *позитивную* («совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть») и *нормативную* («совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть, и потому имеющих своим предметом идеальное, как нечто отличное от действительности»). В результате базовая структура знания получилась троичной: позитивная экономическая наука занята

¹⁶ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности (1883). СПб., 1894. С. 235–236.

¹⁷ Современные исследования показывают, что на формирование примирительной позиции Д. Н. Кейнса активное влияние оказывал А. Маршалл (см.: Moore G. John Neville Keynes's solution to the English *Methodenstreit* // Journal of the History of Economic Thought. 2003. Vol. 25, No 1. P. 5–38.

Формы политико-экономического знания, по Д.Н. Кейнсу

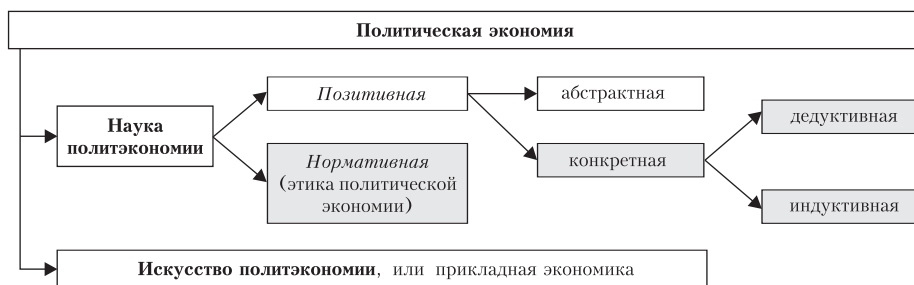

Рис. 1

«поиском закономерностей (uniformities)», нормативная — «определением идеалов», а искусство политической экономии — «формулировкой предписаний, правил для достижения данной цели»¹⁸.

Выстраивая свою классификацию, Кейнс воспринял центральный тезис Менгера и Вальраса об основополагающей роли *чистой (отвлеченной) теории* в общей системе экономического знания. Он лишь уточнил, что абстрактная теория — это часть *позитивной* науки (а не просто разновидность *теории*, как у Менгера). В этом проявилось влияние философии позитивизма и одновременно прямая оппозиция радикалам от исторической школы (например, Каннингэму), считавшим, что абстрактная теория не имеет собственного эмпирического содержания. Следуя той же логике, Кейнс стремился смягчить тезис Милля и Кэрнса о гипотетичности чистой теории, разъясняя, что речь идет лишь о неполноте набора факторов, которые такая теория принимает во внимание: «Из того, что известный закон носит гипотетический характер... еще не следует, однако, что он лишен реального содержания, т. е. не имеет отношения к действительному ходу явлений. Хотя законы причинной связи с известной точки зрения могут считаться гипотетическими, с другой точки зрения они должны быть признаваемы категорическими, так как они категорически устанавливают способ действия данных причин...»¹⁹.

Абстрактную (отвлеченную) политическую экономию Кейнс соотнес с *конкретной* политической экономией, которая «не удовлетворяется одними лишь гипотетическими выводами»²⁰ и в то же

¹⁸ Кейнс Д. Н. Предмет и метод политической экономии. М.: И. А. Баландин, 1899. С. 27–28.

¹⁹ Там же. С. 164. В этом вопросе Кейнс солидаризировался с У. С. Джевонсом: «В абстрактной (отвлеченной), или чистой, теории политической экономии мы имеем дело исключительно с известными общими широкими принципами, безотносительно к конкретным экономическим условиям, или, как говорит Джевонс, с теми „общими законами, которые так просты по своей сущности и так глубоко коренятся в организации человека и в устройстве видимого мира, что они остаются неизменными на протяжении всех веков, доступных нашему изучению“... Достигаемые ею результаты в известном смысле общеприменимы, так как они легко могут быть видоизменяемы соответственно с особыми обстоятельствами каждого данного случая; но сами по себе они всегда неполны, так как мы не можем с помощью их одних удовлетворительно объяснить себе хозяйственные явления действительной жизни» (Там же. С. 111).

²⁰ Вводя конкретную экономику в свою классификацию, Кейнс не забывает подчеркнуть приоритетный статус чистой теории: «Построения отвлеченной теории отличаются такою логической определенностью, которой конкретная экономика по большей части лишена... Учения конкретной экономики носят характер сравнительно случайный и неопределенный» (Там же. С. 113–114).

время несводима к эмпирическим обобщениям, как это получилось у Менгера. Таким образом наряду с *индуктивной конкретной наукой* — «прямыми обобщениями опыта» — Кейнс ввел также *конкретную науку*, «основанную на дедуктивном методе», пояснив, что «ее посыпки приспособляются к особым условиям отдельных случаев», так что «при формулировании конкретных экономических доктрин мы стремимся установить законы, имеющие силу в пределах данного периода времени или данного общественного строя»²¹.

Именно конкретная наука служит Кейнсу главным средством против рикардianского прямого выхода теории на практику. «Непосредственный переход от чистой теории к истолкованию частных явлений экономической действительности» он называет возможным, но лишь как исключение: «...Большую частью необходим ряд промежуточных доктрин, которые, обладая известной общностью формы, не носят, однако же, чисто абстрактного характера и не могут быть построены единственно при помощи тех простых и общих данных, которые одни рассматриваются отвлеченной теорией. Этот-то ряд доктрин и образует конкретную политическую экономию как нечто совершенно отличное от чистой экономической теории»²².

Еще один принципиальный вопрос, по которому Кейнс разошелся с исторической школой, — интерпретация и оценка экономической истории. Для Кнуса и Шмоллера политическая экономия и история были неразделимы, поскольку задачу науки они видели в том, чтобы понять тенденции развития конкретного общества как реальную основу экономической политики соответствующего государства. Для Кейнса экономическая история — это описание хозяйственных явлений минувшего и констатация отдельных фактов, в отличие от теории, задача которой — установление общих законов²³. Он сочувственно цитирует слова Менгера об «историках», которые «пронесли по области нашей науки как пришлые завоеватели, чтобы навязать нам свой язык и свои обычаи», и оставляет экономическую историю вне рамок политической экономии. В отношении притязаний исторической школы на раскрытие законов общественного развития Кейнс высказался критически, упрекнув ее лидеров в отождествлении экономической науки с философией экономической истории²⁴. Что же касается учета разнообразия страновых условий экономической деятельности, то эту задачу Кейнс возлагал, как уже отмечалось, на *конкретную экономику*.

Иначе Кейнс отнесся к идее лидеров исторической школы о нормативности политической экономии. Она нашла отражение в его классификации, правда не как свойство любой теории, а в качестве отдельного раздела *науки* политической экономии на стыке с этикой — *нормативной теории*²⁵. Задачи в этой области состояли, по его мнению, в том, чтобы, во-первых, «научно определить обязанности людей в их взаимных экономических отношениях и, в особенности, обязанности общества, поскольку оно может своею деятельностью

²¹ Кейнс Д. Н. Указ. соч. С. 111–112.

²² Там же. С. 113.

²³ Там же. С. 198–199.

²⁴ Там же. С. 241–242, 244.

²⁵ Кейнс считал необходимым особо заметить, «что если какая-либо отрасль знания занимается тем, что должно быть, то это еще не достаточное основание для отнесения ее к категории искусства как чего-то отличного от науки. Как логика, так и этика — науки, несмотря на то что первая занимается правильным мышлением, а вторая — правильным же поведением» (Там же. С. 27).

контролировать или видоизменять экономические условия; другими словами, искать критерия для оценки... экономической деятельности»; и, во-вторых, «определять такие идеалы производства и распределения богатства, которые бы наилучше удовлетворяли требованиям справедливости и нравственности»²⁶.

Наконец, следуя традиции, заложенной Миллем и продолженной Менгером и Вальрасом, Кейнс выделил в особую форму знания *искусство политической экономии*, или *прикладную экономику*. Правда, в общем контексте его классификации содержание этой части политической экономии оказалось не очень ясным. Включив *нормативную теорию* и *конкретную экономику* в сферу *науки* политической экономии, он лишил *искусство* политической экономии как раз того, что обычно с ним ассоциировалось²⁷. В результате обострилась давняя проблема, известная еще Сениору и Миллю и связанная с тем, что *искусство* политической экономии не может замыкаться на одну лишь экономическую науку. Кейнс сформулировал ее как дилемму: «...если искусство станет ограничиваться практическими применениями науки, чистой и простой, то его предписания... могут быть... только условными...; если искусство, напротив, будет стремиться к полному решению практических проблем, то его характер необходимо должен стать в значительной степени неэкономическим, а его предмет расплывчатым и трудноопределимым»²⁸.

Признав проблему терминологической, соответствующую область знания Кейнс отнес к «экономической стороне политической философии и искусства законодательства или социальной философии, смотря по обстоятельствам». Называть эту область он предложил либо обобщенно — прикладной экономикой, либо частными и не привязанными жестко к экономике «искусствами» — промышленного законодательства, налогообложения, государственных финансов и т. д.

Другой важный аспект определения Кейнсом предметной области искусства экономики — его целевая ориентация. Общее определение искусства предполагает, что цель задана, но содержательно ее не ограничивает. Кейнс дистанцировался от такой позиции ссылкой на мнение «всех, настаивающих на признании особого искусства политической экономии», для которых это искусство «ставит себе цели, желательные не только с точки зрения того или другого отдельного лица, но и с точки зрения всего общества, взятого в целом»²⁹. Отсюда он делает два вывода: во-первых, что при всяком обращении к искусству политической экономии обязательно знать, кто выступает субъектом, задающим цель хозяйствования; во-вторых, что «построение особого искусства политической экономии», предполагающего ограничиться сугубо экономическими целями («увеличение производства богатства») «было бы приобретением сомнительного достоинства». Последний вывод Кейнс мотивировал тем, что практические рекомендации, следующие

²⁶ Кейнс Д. Н. Указ. соч. С. 47–48.

²⁷ В частности, и «практические науки» Менгера, и «прикладная политэкономия» Вальраса попадали, по классификации Кейнса, скорее в раздел «конкретной экономики» в рамках *науки политической экономии*, чем в сферу *искусства политической экономии* (Там же. С. 45–46).

²⁸ Там же. С. 44–46.

²⁹ Там же. С. 58.

из экономических теорий, относятся к сфере конкретной экономики и носят гипотетический характер. Поэтому в качестве предписаний они легко могут стать источниками недоразумений³⁰.

XX век: «онаучивание» практики и прагматизация науки

На рубеже XIX—XX вв. в науке утвердился новый — *неклассический* — тип рациональности. Наука обратилась к более сложным предметам, включив в сферу своего внимания не только неизменные свойства и устойчивые характеристики явлений, но и стохастические процессы и факторы неопределенности. Бóльшая конкретность теоретического знания дала мощный толчок к сближению науки и техники, развитию технических наук как прикладного звена естествознания. Экономисты не сразу откликнулись на эти новые тенденции.

После Невила Кейнса в экономическом сообществе сформировалось двойственное отношение к разделению экономической науки на позитивную, или «чистую», с одной стороны, и прикладную, или искусство, — с другой.

В прагматичном английском Кембридже такое деление науки было воспринято как естественное и неизбежное, более того, под влиянием сначала А. Маршалла, а позже — Дж. М. Кейнса, получило дальнейшее распространение и развитие. Напротив, в рационалистичной континентальной Европе оно выглядело скорее слабостью, симптомом недостаточной зрелости науки и требовало подведения под прикладное знание дополнительной научной базы, то есть его «онаучивания». Обе эти тенденции получили развитие в рамках неоклассического мейнстрима экономической науки XX в. в виде двух соперничающих его линий — маршаллианской и вальрасианской.

Задача науки, по Маршаллу, — «проливать свет на практические вопросы»³¹. Роль же теории инструментальна: она полезна в той мере, в какой может «механизировать» рутинную научную работу. Научные исследования, не связанные с разработкой методов анализа, мыслились скорее как прикладные. Соответственно наука в целом занимала у Маршалла подчиненное место: верховную роль он отводил тренированному здравому смыслу — близкому аналогу искусства экономики в доктрине Милля.

Заложенная Маршаллом кембриджская традиция получила развитие в методологических установках Дж. М. Кейнса, для которого экономическая теория была «ветвью логики», а собственно научная доктрина включала определенную концепцию экономической политики как свою неотъемлемую практическую часть³². Кейнс последова-

³⁰ См.: Кейнс Д. Н. Указ. соч. С. 62.

³¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. М.: Прогресс. 1993. С. 96.

³² Истоки философско-методологических установок Кейнса восходят к шотландской философии здравого смысла (см.: *Comin F.* The Scottish Tradition in Economics and the Role of Common sense in Adam Smith's Thought // Review of Political Economy. 2002. Vol. 14, No 1. P. 91—113), прагматизму Ч. Пирса и пересекаются с идеями позднего Л. Витгенштейна, который заключительную часть своей научной карьеры по инициативе Кейнса провел именно в Кембридже.

тельно отстаивал позицию, что знание не может быть более точным, чем позволяет природа его объекта. По его оценке, «значительная часть экономического теоретизирования наших дней страдает... оттого, что пытается применить высокоточные и математические методы к материалу, который по своей природе слишком нечеткий, чтобы оправдать такой подход»³³. Именно в этом свете следует понимать определение экономической науки, выраженное в известном письме Кейнса к Р. Харроду (1938): «Экономика — это наука мыслить в терминах моделей в сочетании с искусством выбирать модели, релевантные в современном мире... Хорошие экономисты редки, поскольку дар использовать «бдительное наблюдение» для выбора хороших моделей, хотя и не требует высокоспециализированных интеллектуальных навыков, оказывается весьма редким»³⁴.

С ростом математизации экономической науки и особенно с развитием оптимизационных методов анализа кембриджская традиция была оттеснена сначала на второй план, а позже и вовсе за пределы мейнстрима, где ее оппонирующая роль по отношению к вальрасианству перешла к «эмпирической науке экономики» в духе чикагской школы³⁵.

Ведущей стала тенденция к «онаучиванию» прикладных экономических исследований. Представления об эффективном состоянии экономики и предпочтительной траектории ее роста получили в этих концепциях некое «научно обоснованное» определение. Иными словами, наука стала претендовать не только на инженерную проработку *средств* достижения целей, но и на объективизацию процесса *целеполагания*, включая подчинение экономической политики задаче выхода на объективно заданную оптимальную траекторию экономического роста³⁶. В этом случае, по справедливому замечанию Р. Нельсона и С. Уинтера, «разглядеть *какую-либо* роль политического анализа трудно... Проблема осуществления политики заключается просто в достижении оптимального по Парето соглашения»³⁷.

Тем самым в новой форме воспроизводился давнишний «рикардианский порок» (Шумпетер) экономической науки — стремление

³³ Цит. по: *Coates J.* The Claims of Common Sense: Moore, Wittgenstein, Keynes and the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 83. Отсюда предпочтение, которое Кейнс отдавал обычному языку, как носителю неявного знания, перед языком формальным. Он считал, что «в обычном разговоре, где нет места слепому манипулированию и мы постоянно отдаем себе отчет в том, что мы делаем и что означают наши слова, мы в состоянии „держать в уме“ необходимые оговорки и уточнения, которые потребуются впоследствии...» (Op. cit. P. 96).

³⁴ Цит. по: *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. С. 146.

³⁵ См., например: *Hands D. W.* The Methodology of Empirical Science Economics: A Closer Look // *Monetarism and the Methodology of Economics* / Hoover K., Sheffrin S. (eds.) Aldershot: Edward Elgar, 1995. P. 225–257.

³⁶ Характерным представителем этой тенденции, по мнению Д. Коландера, может служить А. Лернер, один из авторов вальрасианской версии «рыночного социализма» (см.: *Colander D.* From Muddling through to the Economics of Control: Views of Applied Policy from J. N. Keynes to Abba Lerner // Middlebury College Economics Discussion Papers. No 04-21. 2004 — <http://www.middlebury.edu/services/econ/repec/mdl/ancoec/0421.pdf>).

³⁷ *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000. С. 411.

непосредственно замкнуть теорию на политику. На этот раз он строился на неявной убежденности «в том, что выбор, который является наилучшим в рамках модели, является и оптимальной... политикой в реальной ситуации»³⁸. Предельным выражением этой установки стал так называемый «парадокс предопределенности», согласно которому «правильная» политика полностью предопределена объективными условиями (включая сюда и условия политического рынка) и поэтому «рациональное» правительство — это, по существу, марионеточное правительство, которое реализует заданную траекторию, не нуждаясь ни в каких нормативных советах специалистов³⁹.

В XX в. подобная тенденция к онаучиванию политики была характерна как для плановых, так и для рыночных экономик⁴⁰. В этих условиях для искусства экономики практически не оставалось места, и эта тема стала забываться. Вернуться к ней в конце века заставило растущее осознание роли факторов неопределенности и сложности в функционировании экономических систем⁴¹, что обозначило новый вектор в развитии экономической науки, начало ее переориентации на стандарты *неклассического типа научной рациональности*.

Саму проблему неопределенности и сложности раньше других поставил, вероятно, английский экономист Клиф Лесли, который еще в 1879 г. обратил внимание на то, что «мир экономики движется от простоты к сложности, от однородности к разнообразию, от неизбывного обычая к изменениям, а потому — от известного к неизвестному»⁴². И тогда же он сделал вывод, что априоризм и дедуктивизм экономической теории неразрывно связаны с завышенными представлениями о возможностях человеческого предвидения. В первой половине XX в. аналогичные предупреждения высказывал Фрэнк Найт — пионер в исследовании неопределенности в экономике⁴³, и, разумеется, кейнсианцы.

³⁸ Нельсон Р., Уинтер С. Указ. соч. С. 412–413.

³⁹ См.: O'Flaherty B., Bhagwati J. Will Free Trade with Political Science Put Normative Economists Out of Work? // *Economics and Politics*. 1997. Vol. 9, No 3. P. 207–219.

⁴⁰ См.: Лидблом Ч. Э. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира. М.: ИКСИ. 2005 (1977).

⁴¹ См., напр.: The Complexity Vision and the Teaching of Economics / Colander D. (ed.) Cheltenham: Edward Elgar, 2000; Economic Policy under Uncertainty. The Role of Truth and Accountability in Policy Advice / Mooslechner P. e.a. (eds.) Cheltenham: Edward Elgar, 2004.

⁴² Leslie C. The Known and the Unknown in the Economic World // *Methodology of Economics: Nineteenth-Century British Contributions*. Vol. V / Backhouse R. (ed.) L.: Routledge and Thoemmes Press, 1997.

⁴³ «Не то чтобы предвидение... в сфере человеческих явлений было невозможно, — отмечал Найт, — но формальные методы науки могут иметь здесь лишь ограниченное применение. Здравый смысл также способен к предвидению... и его можно тренировать, чтобы лучше предвидеть и контролировать; но отсюда не следует, что наука может предвидеть и контролировать лучше, чем здравый смысл... Сомнительно, чтобы применение... логических методов и канонов принесло столь же хорошие результаты, как неформальные, интуитивные суждения, которые — если их усовершенствовать и развить — становятся искусством. Но искусство — это не наука, и только в узких границах его можно свести к науке (в этом случае оно, конечно, перестает быть искусством). Представляется, что наука — это особая техника, созданная и применяемая для контроля физической природы, но так часто провозглашаемый и повторяемый идеал переноса этих процедур в сферу социальных явлений покоится на серьезном непонимании» (*Knight F. The Limitation of Scientific Method in Economics // The Trend of Economics / Tugwell R.G. (ed.) N.Y.: Alfred Knopf, 1924. P. 254.*)

Так, Р. Харрод, опираясь на исследования экономических циклов, заключил, что экономистам следует «навсегда распрощаться с притязаниями на определенность, которые могли сохраняться лишь до тех пор, пока они оставались в рамках своей геометрической системы. Из одной из самых точных наук, хотя и ограниченных узкими рамками, экономика неизбежно превращается в одну из самых условных наук»⁴⁴.

В дальнейшем критики конкретизировали свои возражения сциентизму в экономике. Во-первых, была показана уязвимость статического оптимума в качестве критерия эффективности, в частности вследствие «эффекта тропы» (*path dependence*). Оказалось, что путь, ведущий к оптимальному состоянию, в силу этого эффекта заранее не предсказуем. Во-вторых, были развеяны иллюзии по поводу возможности «объективного» целеполагания. Экономика — объект, который формируется самими людьми, поэтому даже его описание состоит не только и порой не столько из фактов, сколько из убеждений в наличии соответствующих фактов (*positive beliefs*)⁴⁵, то есть имеет оценочный характер. Тем более это касается целей политики — необъективных и изменчивых во времени.

Первоначально оппозиция чрезмерным притязаниям науки в экономической сфере приняла форму радикальной критики всякого государственного вмешательства в хозяйственную жизнь (Л. Мизес и Ф. Хайек⁴⁶). Сциентизму такая критика противопоставляла спонтанность и веру в превосходство рынка над коллективным разумом в способности вести экономику в благоприятном направлении⁴⁷.

Современный этап в осознании возможностей и границ рационального познания экономических процессов во многом базируется на эволюционном подходе, на понимании того, что расчет на спонтанность развития чреват попаданием на боковые, а то и вовсе тупиковые траектории эволюции. Пагубной самонадеянности разума противостоит пагубная беспечность непредусмотрительности. Трудность оценки будущего — считает один из пионеров эволюционной экономики Пол Дэвид — не снижает, а повышает ее значимость⁴⁸.

Эволюционный характер экономических процессов предъясняет к разработчику экономической политики требования, связанные, по мнению экономистов прошлого, именно с искусством экономики — сферой деятельности, которая опирается на широкий спектр накопленных

⁴⁴ Harrod R. Scope and Method of Economics // The Economic Journal. 1938. Vol. 48, No 191. P. 388.

⁴⁵ См.: Slembeck T. Ideologies, Beliefs, and Economic Advice — a Cognitive-evolutionary View on Economic Policy-making // The Evolutionary Analysis of Economic Policy / Pelikan P., Wegner G. (eds.) Cheltenham: Edward Elgar, 2003.

⁴⁶ См., напр.: Хайек Ф. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003.

⁴⁷ В России такая установка нашла выражение в критике идеи отраслевой, или промышленной, политики — «пагубной самонадеянности» в форме «злоупотребления государства пресловутым стратегическим планированием» (см.: Мау В. А. Экономико-политические итоги 2002 года и особенности экономической политики в преддверии выборов // Вопросы экономики. 2003. № 2. С. 16).

⁴⁸ «Прежде чем ринуться в новое дело, — пишет он, — стоит тем больше инвестировать в лучшую информированность, чем более значима историческая обусловленность его результата» (David P. Path-dependence, its Critics and the Quest for 'Historical Economics' // Evolution and Path Dependence in Economic Ideas / Garrouste P., Ioannides S. (eds.) Cheltenham: Edward Elgar, 2001. P. 32).

знаний, но не освобождает от бремени выбора и ответственности за принимаемые решения. В этих условиях «[экономический] анализ следует считать слугой политического процесса и не приписывать ему самостоятельную политическую легитимность»⁴⁹.

О понятии «прикладная экономика»

В юбилейном сборнике, посвященном 50-летию авторитетнейшего центра прикладных экономических исследований — Департамента прикладной экономики при Кембриджском университете, понятие «прикладная экономика» определяется как «сведение воедино экономической теории, измерений и методов статистического и эконометрического анализа, а также интерпретации такой аналитической работы в целях объяснения экономических явлений и содействия экономической политике»⁵⁰.

Эта дефиниция вбирает в себя почти все мыслимые толкования прикладной экономики. Поэтому она мало пригодна для целей классификации знания, но хорошо иллюстрирует многозначность самого термина. Если отталкиваться от слова «прикладная», то в самом общем виде речь должна идти о *приложении* уже имеющегося, предположительно теоретического знания к некоторой области, отличной от области, где оно было получено. Такая трактовка фиксирует как наличие связи между прикладным и теоретическим знанием, так и их нетождественность. Впрочем, иногда оппозиция «прикладное — теоретическое» вытесняет прочие смыслы, и «прикладная экономика» понимается скорее как знание опытное, имеющее непосредственное отношение к хозяйственной практике⁵¹. Например, А. Пигу выделял два вида «реалистичного», или «прикладного», знания: не применимое на практике, имея в виду описательное историческое знание, и применимое знание, непосредственно используемое практиками⁵². О. Ланге в 1946 г. относил к прикладной экономике экономическую историю и то, что он называл «институциональной экономикой», — «изучение влияния отдельных социальных институтов на распоряжение ограниченными ресурсами»⁵³.

В любом случае этимологическое толкование продвигает не слишком далеко: «прилагать» теорию можно по-разному. Тщательный анализ вопроса Р. Бэкхаузом и Д. Биддлем⁵⁴ позволил выделить три основных способа «приложения» теории: построение на ее основе бо-

⁴⁹ Нельсон Р., Уинтер С. Указ. соч. С. 414.

⁵⁰ Begg I., Henry B. Introduction // Applied Economics and Public Policy DAE occasional paper No 63 / Begg I., Henry B. (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 4.

⁵¹ По признанию известного, в том числе своими прикладными исследованиями, американского экономиста Д. Аллена, «прикладная экономика могла быть чем угодно, но только не приложением экономической теории» (Backhouse R., Biddle J. The Concept of Applied Economics: a History of Ambiguity and Multiple Meanings // Toward a History of Applied Economics / Backhouse R., Biddle J. (eds.) Durham: Duke University Press, 2000).

⁵² См.: Dean Ph. The Scope and Method of Economic Science // Economic Journal. 1983. Vol. 93. P. 1–12.

⁵³ Lange O. The Scope and Method of Economics // Review of Economic Studies. 1945–1946. Vol. 13, No 1. P. 20.

⁵⁴ Backhouse R., Biddle J. Op. cit. P. 1–20.

лее конкретных теорий (например, путем введения дополнительных переменных); ее приложение к эмпирическим данным (при тестировании теории или при ее использовании для накопления данных); ее использование при выработке политических решений (в том числе при оценке конкретных событий и ситуаций).

Не исключено, конечно, что в ходе решения конкретной задачи все эти три способа приложения теоретических знаний будут объединены. Так, применение теории при выработке политики вряд ли возможно без ее использования для анализа фактов. Но это не лишает каждое из перечисленных приложений существенной специфики. Если соответствующие виды прикладных исследований проанализировать через призму классификации Невила Кейнса, то первый из них — разработку конкретных теорий — придется, по видимому, отнести к разряду «позитивного конкретного дедуктивного знания», второй — приложение к эмпирическим данным — к разряду «позитивного конкретного индуктивного знания», и только третий попадет в рубрику «прикладной экономики». Такое разграничение отражает реальную специфику исследовательской работы в каждом из этих случаев, и в этом смысле методологически оправдано. Поэтому в дальнейшем под собственно прикладной экономикой будут подразумеваться только такие исследования и знания, которые обеспечивают увязку теоретически обобщенного знания самого разного уровня с конкретными условиями места и времени, в которых осуществляется практическая деятельность: готовятся и принимаются экономико-политические решения, хозяйственно-правовые акты, бизнес-планы и коммерческие контракты.

Прикладная экономика в указанном смысле аналогична медицине, как области знания, связанной с поиском ответов на практические вопросы на научной основе. Именно медицина дает пример исследовательского алгоритма «диагноз — прогноз — рецепт», который нередко служил источником аналогий для экономистов, стремившихся определить специфику своей науки. Достаточно вспомнить Й. Шумпетера с его неоднократными обращениями к медицинским метафорам и аналогиям при обсуждении специфики экономической науки или Я. Корнаи и его статью «Здоровье наций», специально посвященную этой теме⁵⁵.

Итак, прикладная экономика — это широкий спектр исследований, связанных с *диагностикой* реальных экономик, их подсистем и элементов; *прогнозированием* социально-экономических процессов; разработкой экономико-политических *стратегий* и *программ*, вариантов реформирования экономических институтов (институциональным *дизайном*). Прикладная экономика — лишь часть системы экономического знания, но такая часть, вне связи с которой экономическая наука в более узком смысле слова теряет смысл своего существования.

⁵⁵ См.: Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1996. С. 103; Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 12; Корнаи Я. Здоровье наций. Размышления об аналогиях между экономикой и медициной // ЭКО. 1987. № 9. С. 150—166. В отечественной литературе аналогичная позиция представлена, например, в монографии: Дмитриева О. Г. Региональная экономическая диагностика. СПб.: СПУЭиФ, 1992.

Виды прикладного знания и их методологические особенности

Прикладная экономика, как область знания, увязывающая теорию и практику, включает в себя два типа исследований и разработок, которые — в развитие военной метафоры Маршалла — можно назвать «оперативными» и «стратегическими». Различие между ними определяется отношением к цели исследования. *Оперативные прикладные исследования* — это исследования, обеспечивающие реализацию четко поставленной цели. В этом случае специфика прикладного знания выступает наиболее явно. Чтобы выявить характер отношения между собственно научными и практическими целями познания, обратимся к стандартному представлению о предметной человеческой деятельности, построенному по схеме «цель — средство — результат». *Цель* как предвосхищение результата представляет в этой схеме субъективное начало; *средства* — объективные предпосылки; *результат* — их воплощенное или, напротив, несостоявшееся единство, их взаимное соответствие или несоответствие. Деятельность, цель которой не обеспечена средствами, не может считаться целесообразной. Средства же — это в конечном счете не что иное, как множество независимых от субъекта деятельности объективных условий и законов, причинно-следственных связей, на которые можно опереться (которые можно задействовать) на пути к цели.

Конечно, опереться можно только на уже познанные законы. Поэтому с прогрессом науки, познающей все новые объективные связи и закономерности, арсенал средств расширяется. Это значит, что рамки, в которых субъект деятельности свободен в выборе и самих целей, и средств их достижения, постепенно раздвигаются. При этом выбор *цели* предполагает фиксацию определенного набора причинно-следственных цепочек, необходимых и достаточных для ее достижения, а выбор *средств* — определение одной из таких цепочек в качестве конкретной траектории движения к цели.

Итак, задача оперативного прикладного исследователя — найти наилучший маршрут к заранее заданной цели. Если при этом цель формулируется в узко экономических терминах или задается сугубо экономический критерий отбора средств (максимизация дохода), то экономист, решающий такую задачу, остается в пределах своей профессиональной компетенции и выступает как эксперт-аналитик. Если же цель имеет более общий характер и/или допускаются разные критерии отбора средств (максимизация дохода, справедливость в распределении, рост благосостояния и т. д.), то прикладное исследование неизбежно приобретает комплексный междисциплинарный характер. В этом случае простая схема, согласно которой политик ставит цель, а экономист ищет средства ее достижения, работает далеко не всегда. Как справедливо отмечает М. Блауг, «человек, принимающий решение, ждет рекомендаций как в области средств, так и в области целей»⁵⁶. С этим связана потребность в исследованиях, обеспечивающих процессы целеполагания, которые можно назвать *стратегическими прикладными исследованиями*.

⁵⁶ Блауг М. Указ. соч. С. 215.

В советской политэкономии, по крайней мере после дискуссии 1951 г., вопрос о направленности экономического развития общества было принято обсуждать в традициях классической науки. Предполагалось, что развитие общества следует объективным экономическим законам, которые познаются научными методами и используются в качестве основы практической (политической) деятельности. Кульминацией этого сциентистского подхода была постановка вопроса о наличии *объективной цели* экономического развития.

В основе этих построений лежала идеологическая установка на линейный характер общественного прогресса и наличие некоторой объективно обусловленной его траектории. В рамках такой схемы субъективный фактор (политика) мог лишь отклонять фактическую траекторию от объективно обусловленной, сдерживая или ускоряя движение. Именно поэтому познание объективных законов развития считалось важнейшей *теоретической* задачей политической экономики.

Однако фактически речь шла об экономико-политических установках, которым лишь придавался идеологически значимый статус «объективных экономических законов». Соответственно формулировка и обоснование таких «законов», равно как и полемика вокруг них, были *де-факто* обсуждением принципиальных вопросов экономической политики, то есть, вопреки декларациям, относились скорее *к сфере прикладной, чем теоретической экономики*. Подобная неявная форма обсуждения экономико-политических проблем пришла на смену открытым дискуссиям 1920-х годов, в ходе которых был поставлен фундаментальный для этой области исследований вопрос о соотношении генетического и телеологического подходов, то есть все тот же вопрос о соотношении объективной причинности и целевой ориентации экономической деятельности.

Известно, что в 1920-е годы среди советских экономистов широкое распространение имела точка зрения, что объективный характер экономических законов капитализма обусловлен стихийностью рыночного хозяйства и поэтому плановая экономика лишит политэкономия ее предмета. Восстановление экономической науки в ее правах было связано с отказом от отождествления объективного со стихийным. Но тем самым фокус внимания смещался к изучению структурных характеристик воспроизводственного процесса, то есть фактически на изучение причинно-следственных цепочек, которые сами по себе не предопределяют направленность развития, но лишь объективно ограничивают свободу маневра в экономической политике. Вопрос же о принципах, которые должны направлять плановые решения в пределах такого маневра, остался закамуфлированным риторикой про объективные цели и законы.

На Западе в тот же период получила развитие отмеченная выше тенденция к онаучиванию экономической политики на основе концепции Парето-улучшений, что также маскировало качественные различия между теоретическими и прикладными экономико-политическими исследованиями.

Ориентация прикладных исследований на постановку и достижение цели (целевого состояния системы) придает таким исследованиям черты, которые существенно отличают их от стандартной науки. Это касается определения их предметной области и критериев оценки результатов.

Любое исследование реальности предполагает отбор ее значимых признаков. В этом вопросе можно опереться на анализ, который проделали еще неокантианцы, в частности Г. Риккерт. Отправным пунктом его рассуждений служил факт невозможности для человеческого разума познать реальность в ее полноте и конкретности. Всякое

человеческое знание строится поэтому на абстрагировании и в этом смысле избирательно⁵⁷. Этот вывод позволил Риккерту осуществить важное разграничение между двумя принципами отбора эмпирических данных при образовании научных понятий и соответственно между двумя способами представления действительности в знании. Один принцип — это формирование понятий на основе общих признаков, характеризующих соответствующий класс явлений (при абстрагировании от признаков, характеризующих их индивидуальные особенности). Другой принцип — фокусировка внимания, напротив, на тех признаках конкретного явления, которые определяют его специфику, уникальность. В соответствии с первым принципом образуются *общие* понятия, в соответствии со вторым — *индивидуальные*. Разграничение методов «образования понятий» получило продолжение в делении наук на две группы: науки о природе, базирующиеся преимущественно на *общих* понятиях, и науки о культуре, где главную роль играют понятия *индивидуальные*⁵⁸.

Привязка прикладных исследований к обстоятельствам места и времени противопоставляет их естественно-научному, или стандартно научному, познанию и локализует их в сфере индивидуализирующего познания. Кроме того, именно естественно-научные понятия лежат в основе дисциплинарной структуры науки, тогда как значительная часть практических проблем заведомо не укладывается в эти рамки, имеет междисциплинарный характер, — об этом хорошо знал еще Милль. По выражению известного британского экономиста середины XX в. А. Кэрнкросса, «не существует такой вещи, как экономическая политика в отрыве от других аспектов политики, есть только политика»⁵⁹.

Наконец, идеал и цель научного познания — постижение истины, сущностных свойств реальности. Прикладное исследование *не имеет и не может иметь такой цели*. Его задача — создать проект *новой* реальности. Поэтому главный критерий оценки результатов прикладного исследования — их реализуемость.

Различия между стандартным научным знанием и знанием прикладным вовсе не означают их несовместимости. Напротив, современное прикладное знание — это не что иное, как применение научных знаний для решения практических задач. Но чтобы эффективно применить научные знания, их нужно приспособить к задаче, рекомбини-

⁵⁷ В контексте проблем современной экономической науки этот вопрос вновь поставил Амартия Сен, показав условность границы между описанием и предписанием. Никакое описание не может быть совершенно нейтральным, лишенным ценностного начала. Описание — это всегда выбор (*Sen A. Description as Choice // Choice, Welfare and Measurement. Cambridge (Mass): MIT Press, 1982*).

⁵⁸ Разграничение наук о природе и о культуре фиксирует лишь общую тенденцию и не влечет, по Риккерту, запрета на использование какого-либо из методов образования понятий в любой науке. Среди наук о культуре он выделял промежуточные случаи, относимые к ним и политическую экономию. В таких науках побочный для них способ образования понятий играет относительно большую роль, прежде всего в силу важности в экономической жизни массовых явлений (см.: *Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998*).

⁵⁹ Цит. по: *Dow A., Dow S., Hutton A. Applied economics in a Political economy tradition: The Case of Scotland from the 1890s to the 1950s // Toward a History of Applied Economics / Backhouse R., Biddle J. (eds.) Durham: Duke University Press, 2000. P. 194.*

ровать. Этим определяется предмет и метод прикладной науки, с одной стороны, и ее спрос на теоретическое научное знание — с другой. Предметная область прикладного исследования формируется вокруг деятельности по решению поставленной задачи, а в случае стратегических прикладных исследований — вокруг процесса целеполагания, то есть деятельности по поиску возможных альтернатив развития событий, их оценке и выбора предпочтительной стратегии. В любом случае это не традиционные для науки «натуралистические», а деятельностные онтологии, если снова воспользоваться терминологией Щедровицкого. Они призваны интегрировать любые полезные для достижения цели знания, независимо от их дисциплинарной принадлежности, и выстраивать их в соответствии с логикой «проекта».

Отсюда двоякий спрос прикладной науки на теорию. С одной стороны, нужны первичные «кирпичики» знания, «сырой материал» для решения практических задач. Здесь снова можно вспомнить первых экономистов-методологов, которые указывали на то, что в решении своих задач экономист должен опираться на весь корпус знаний, обеспечивающий создание и умножение богатства, будь то знания технологические, агрономические, педагогические. К ним можно добавить и частные экономические знания, скажем, о воспроизводственных зависимостях или закономерностях массового поведения продавцов и покупателей на рынке. Речь идет о стандартных научных знаниях, обобщающих объективные, повторяющиеся связи между явлениями. С другой стороны, исследователю-прикладнику нужна интеллектуальная поддержка и в его работе по рекомбинированию знания. Уникальность каждой практической задачи вовсе не исключает возможности типизации возникающих проблем и выработки обобщенных алгоритмов их диагностики и решения.

Исторически экономическая наука возникла из попыток решения именно такого рода задач. На это были ориентированы так называемые «большие теории», имевшие в качестве своей предметной области экономику как целое и долгосрочные траектории ее эволюции. Вопреки широко распространенному представлению, «большие» теории — это отнюдь не «чистая» наука хотя бы потому, что они всегда были привязаны к историческим реалиям. Это были определенные схемы описания, способные фиксировать значимые признаки сложных социальных явлений (объектов) или процессов (ситуаций), иначе говоря, определенные их *типологии*.

Согласно М. Веберу, обществоведам приходится пользоваться особым видом научных понятий, которые он назвал «идеальными типами». Это понятия, которые специально конструируются исследователем на основе наблюдений изучаемого объекта и служат внутренне согласованной «интерпретативной схемой» для осмысления такого объекта в его конкретности.

Специфическая задача «большой теории» — осмыслить совокупное действие многих частных процессов, разграничить ведущие и сопутствующие тенденции, главные и второстепенные факторы развития экономики и общества в конкретных исторических условиях. Такая задача, как правило, не имеет единственного «объективного» решения.

Прикладная экономика как искусство: некоторые выводы

Если попытаться обобщить тенденции, характеризующие эволюцию прикладного экономического знания в экономической науке, то необходимо констатировать несколько моментов. Во-первых, экономическая наука с момента своего зарождения была теснейшим образом связана с практикой и в этом смысле была в значительной мере прикладной даже тогда, когда этот факт оставался за рамками обсуждения в научном сообществе. Во-вторых, актуализация вопроса о статусе и специфике прикладного знания была связана с процессом институционализации экономической науки на рубеже XIX—XX вв., прежде всего с появлением специализированных кафедр экономической теории, то есть с выделением *теории* из общего корпуса экономического знания, а не с возникновением особой *прикладной* его части. В-третьих, логика эволюции собственно прикладного экономического знания определялась постепенным обогащением опытного знания элементами научного знания; важнейшим фактором такой эволюции служила тенденция к постепенной конкретизации теоретического знания, которая выразилась в появлении специальных теоретических дисциплин: экономики внешней торговли, труда, отраслевых рынков, общественного сектора, институциональной экономики и т. д. Именно связь двух этих тенденций обусловила терминологическое смешение прикладной экономики с областями специализированного теоретического знания и — как результат — затушевывание специфики собственно прикладного знания как знания, вовлеченного в контекст практической деятельности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что прикладная экономика — это та часть системы экономического знания, которая вносит во всю эту систему логику искусства. Конечно, современное искусство экономики базируется на науке. Это искусство отбора и комбинирования научных знаний для решения практических проблем. Но это именно искусство, поскольку оно невозможно без субъекта, который обладает кругозором, опытом и интуицией, позволяющими отбирать и комбинировать знания сообразно обстоятельствам места и времени⁶⁰.

Осознание того, что значительная и важная часть интеллектуальной работы экономиста относится к сфере искусства экономики, заставляет по-новому взглянуть и на другие, более привычные виды его деятельности. Как удачно показывает инициатор идеи возрождения искусства экономики в современных условиях Д. Коландер⁶¹, этот новый взгляд помогает многое расставить по своим местам. Признание искусства экономики прежде всего «развяжет руки» представителям

⁶⁰ Согласно Ф. Махлупу, отнесение определенных видов практической деятельности к *искусству* предполагает, что в них важную роль играет «сочетание таких человеческих качеств, которые невозможно получить из книг... Эти виды деятельности суть «искусства», так как для них важны способность суждения, интуиция, изобретательность и воображение; требуется умение корректно диагностировать и делать прогнозы...» (*Machlup F. Positive and normative economics: An analysis of the ideas // Economic Means and Social Ends / Heilbroner R. (ed.) Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. P. 107*)

⁶¹ *Colander D. The Lost Art of Economics // The Lost Art of Economics: Essays on Economics and the Economics Profession. Cheltenham: Edward Elgar, 2001. P. 19–25.*

«чистой теории», освободит их от постоянных упреков в непрактичности и отрыве от реальности. Более четко определится их место в научном сообществе как генераторов абстрактных моделей и схем, призванных развивать творческое воображение и вооружать экономистов новыми средствами интерпретации экономической реальности⁶². В то же время возрождение искусства экономики избавит современную прикладную экономику от методологического диктата теоретиков и особенно от бессмысленных усилий по обеспечению такой степени точности анализа, которая при описании реальных объектов заведомо недостижима⁶³.

Как следствие, осознание специфики искусства экономики внесет большую упорядоченность в сферу эмпирических исследований, позволит четче развести два принципиально различных типа таких исследований — эмпирическую проверку теоретических гипотез, с одной стороны, и эмпирические исследования на службе искусства экономики — с другой.

Более конструктивными, вероятно, станут и споры по вопросам экономической политики, если разногласия ценностного, нормативного характера будут в них отделены от разногласий инструментальных, то есть разногласий о выборе средств достижения согласованных целей. Наконец, возрождение искусства экономики позволит переосмыслить многие дискуссионные вопросы экономического образования, прежде всего вопросы о соотношении в учебных планах теоретических и прикладных дисциплин, о распределении ресурса учебного времени между формированием теоретического воображения, инструментальных навыков и профессиональной интуиции. По прогнозу Коландера, «большую часть студентов будут учить тому, как интерпретировать, использовать и прилагать теорию, а не тому, как ее развивать»⁶⁴.

Итак, экономика как отрасль знания возникла в форме искусства и — вопреки широко распространенному мнению — никогда не переставала быть таковой. Экономическая теория отпочковалась от искусства экономики, причем по историческим меркам — совсем недавно, всего каких-то сто лет тому назад. Тем не менее и сегодня преобладающая часть интеллектуальной работы экономиста относится к сфере искусства экономики. В развитых странах прикладные экономические исследования и разработки превратились в особую отрасль деятельности и соответствующий отраслевой рынок на стыке науки и политики, что придает ему немалую специфику. Однако эпистемологическая природа прикладного знания, особенности онтологических предпосылок и целевых установок прикладных исследований, их качественное отличие от предпосылок и установок традиционной науки остаются мало осознанными и не находят должного отражения в системах экономического образования и аттестации научных кадров.

⁶² Коландер приводит красноречивые высказывания тех немногих экономистов-теоретиков, которые находили в себе мужество явным образом отказываться от экономико-политических выводов из своих концепций. Так, Р. Лукас на вопрос, что бы он сделал в случае назначения в состав Совета экономических консультантов, ответил: «Подал бы в отставку». Столь же прямо на вопрос о значимости его исследований для экономической политики ответил Ж. Дебре: «Никакой» (см.: *Colander D. The Lost Art of Economics: Essays on Economics and the Economics Profession*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2001. P. 8).

⁶³ См. также: *Mayer Th. Truth versus Precision in Economics*. Aldershot: Edward Elgar, 1993.

⁶⁴ *Colander D. The Lost Art of Economics*. P. 24.